

Вероника Павловна, редактор отдела прозы, устало откинулась на спинку стула, сдёрнула с носа очки и с ожесточением стала их протирать. «И зачем я только согласилась взять её рукопись? — раздражённо бормотала она себе под нос. — Тоже мне — писательница! Что за слог! Растянутые описания, ненужные подробности, словесные штампы! А всё моя проклятая мягкотелость! Ведь сколько раз твердила себе: не заниматься „творчеством“ знакомых!»

Тёплый свет лился из окон, бриллиантовыми искрами рассыпался на снегу, дразнил предвкушением счастья. Едва свернув в переулок, я видела три сияющих окна своей квартиры и ускоряла шаги — быстрее, быстрее, несмотря на тяжёлый ранец за спиной, скользкий, нечищенный тротуар и ссору с подружками в школе. Вот двор и подъезд: не дожидаясь лифта, взбежать на четвёртый этаж, немножко подтянуться, достать до звонка — дверь открывается, на пороге — хитро улыбающаяся мама («Танюшка, отгадай, кто пришёл»), в животе урчит от ароматов, несущихся из кухни. Из гостиной доносятся голоса. Долой ботинки, ранец — в угол, полежит пока под вешалкой, и — в гостиную. А-а-а, вот они, бабушка с дедушкой, сидят на диване, седые головы отвернули к окну, делают вид, что никого не ждут. Неуёмная Наташка дёргает бабушку за подол, они оборачиваются, на лицах — хорошо разыгранное удивление от неожиданного прихода старшей внучки, улыбка разукрашивает лукамиками морщинок родные глаза. Бабушка запускает руку в свою объёмистую сумку и достаёт подарок — яркий пушистый свитерок домашней вязки. Я прижимаю его к себе, как котёнка, зарываюсь лицом в мягкую ткань. Сейчас будем обедать все вместе за большим столом. За окнами — темно и морозно, а здесь — золотится купол абажура, серебром отливают волосы бабушки и дедушки, сияет празднично накрытый стол, впереди — игры, мультики, чудесный вечер без домашних заданий. Перед сном папа или дед читают что-нибудь интересное, ведь завтра не надо рано вставать! Россыпи счастья, бесценные дары детства, неиссякаемый родник любви!..

«Бриллиантовые искры, россыпи счастья, бесценные дары», — вздохнула Вероника Павловна. —

Пишет, будто восторженная курсистка лет семнадцати!»

Вероника Павловна славилась как редактор строгий и даже придиричивый. Сейчас ей хотелось немедленно схватить ручку и начать беспощадно черкать текст. «Выскажу ей всё напрямую, — думала она об авторе, вновь водружая очки на переносицу. — Если не согласится исправлять, пусть забирает своё творение! — редакторша подняла глаза на настенные часы. — Она уже скоро должна подойти».

День клонился к вечеру, сотрудники разошлись, редакция опустела, лишь утробное ворчание сервера нарушало тишину. Вероника Павловна встала, выключила верхний свет, оставив гореть лишь настольную лампу под зелёным абажуром у себя на рабочем столе. Подошла к окну и стала задумчиво смотреть на вечернюю улицу, мокнущую под московским мартовским дождиком. В полумраке на неё нахлынули воспоминания, будто поток, прорвавший плотину.

Вероника Павловна хорошо знала и самого автора — Татьяну Долгову, и всю трагическую историю её семьи.

С матерью Тани, Ольгой, она дружила с юности, с университетских времён, и искренно её любила — за чуткость и неподдельное душевное тепло. «Сколько в ней было внутреннего света, как щедро она дарила его окружающим! Мужу, дочкам, друзьям! Наташка на Олю была очень похожа — такой же внутренний огонь в ней горел, такая же жажда жизни! И красotka — вся в мать. Но главное — талант! У Тани, кстати, об этом неплохо написано», — Вероника Павловна вернулась к столу и вновь принялась за чтение:

Наташка никак не могла определиться со своим будущим. Золотистым бесёнком она носилась по дому, пела, хохотала, увлеклась то игрой на гитаре, то художественным чтением, потом стала пропадать в школьном театральном кружке и вдруг классе в девятом заявила родителям, что будет актрисой. Папа усмехнулся, иронично подняв бровь, мама просто рассмеялась. «Приходите в школу к нам на представление», — обиженно сказала Наташа. Мама со своей подружкой Вероникой пошли.

Вероника Павловна утвердительно кивнула сама себе. Она очень хорошо помнила тот вечер и школьному постановку.

В актовом зале школы погас свет, открылся плюшевый занавес. Учительница литературы, обожательница театра и руководитель школьного кружка, замахнулась на великое: по сцене, то и дело хватаясь за деревянные шпаги, расхаживали три мушкетёра и с ними — лихой гасконец д'Артаньян, школьный красавчик. Этот юный сердцеед был занят в основном тем, что подмигивал девчонкам в зале; флегматичный пухлый король, казалось, вот-вот заснёт на сцене; долговязый кардинал Ришелье спотыкался о полы длинного женского красного платья, изображающего сутану; Констанция беспрерывно хихикала и глупо жеманилась. Постановка вышла плохонькая даже для школьного кружка. «Актёры» забывали слова, громко подсказывали друг другу, в зале переговаривались, выкрикивали шуточки. Хотелось встать и уйти.

Так продолжалось до тех пор, пока на авансцене не появилась тоненькая девочка с гривой золотистых волос и, обведя зал дерзкими светлыми глазами, полновзвучным грудным голосом произнесла, обращаясь к красной «сутане»: «Мы с вами проиграли, ваше преосвященство, но клянусь — я исправлю эту ошибку!» Зал напрягся, смехи и выкрики с мест прекратились, и теперь все следили только за этой девочкой, за той драмой, которая по её воле разыгрывалась на сцене. А когда она, заломив руки в тёмном углу сцены под занесённым над ней деревянным мечом, закричала: «Нет, я ещё слишком молода, я не хочу умирать!» — Ольга повернула к Веронике взволнованное лицо и прошептала: «Может, у неё и впрямь есть способности?»

«Да, — размышляла Вероника Павловна, печальным взглядом провожая безостановочный бег секундной стрелки на стенных часах, — способности действительно были, и, как показало время, немалые. Её довольно рано заметили — ещё в театральной школе-студии. Да и трудно было бы её не заметить с такими данными. Вскоре её стали приглашать в спектакли и уже курсу к четвёртому заговорили о ней как о восходящей звезде сцены. Не могу сказать, кто больше радовался Наташкиным успехам — она сама или её родители! Они пробирались к ней на репетиции, садились в глубине тёмного зала и сидели тихонько, как школьники, сбежавшие с уроков. Старались не пропускать ни одного спектакля с её участием! Таня пишет:

Сестра, несомненно, стала бы выдающейся актрисой, если бы не её нелепая, злая гибель!

Именно так, точнее не скажешь, — тяжело вздохнула Вероника Павловна. — Не погибни Наташа

так нелепо в самом начале своего пути, наверняка стала бы большой актрисой! Как могло это случиться? Кто накликал беду?»

На протяжении прошедших пяти лет она бесчётно сама себе задавала эти вопросы, прекрасно понимая, что на них нет и не может быть ответа. «Как я любила их дом, шум, гам, гитарные перезвоны! — с горечью думала она. — Душой отогревалась. Пичужек их очаровательных обожала — Таньку, Наташку». Она вспомнила семейные вечера у Долговых, дружеские посиделки, откровенные разговоры обо всём на свете и окончательно расстроилась. На глаза навернулись слёзы, дыханье перехватило. «Если бы не Оля с Серёжей, я, наверное, не перенесла бы смерти мужа. Сначала Вадик меня покинул... Ничем не болел — и вдруг!.. — печально качала головой Вероника Павловна, смахивая тыльной стороной ладони слёзы со щёк. — Потом эта катастрофа у Долговых... Ушли один за другим... Всё рухнуло в одночасье... Серёжа пережил дочку всего на год... А Оля — и полгода не протянула... ушла вслед за ним... Танюша за ней ухаживала, но горе оказалось сильнее дочерней заботы. Какая чудесная была семья!»

Вероника Павловна промокнула платком мокрые глаза, взяла себя в руки и опять взглянула на стенные часы — до прихода Татьяны оставалось минут десять-пятнадцать. Редакторша ещё раз машинально пролистала несколько страниц рукописи, и мысли её приняли другой оборот. «А всё-таки Танька — молодец, — думала теперь Вероника Павловна, — бережёт память о родных. Бедная, осталась совсем одна!» Она оперлась щекой на руку, окончательно смягчилась и выдохнула с облегчением, как человек, сбросивший с плеч груз сомнений: «Поработаем над текстом вместе, исправим, а там, если получится хорошо, можно закинуть удочку главреду насчёт публикации. Ведь это — и мой долг перед ними, любимыми, ушедшими навсегда».

Вдруг Вероника Павловна испуганно вздрогнула: кто-то неслышно подошёл к её столу. Она подняла глаза — это была Татьяна.

— Ой, Танечка, — улынулась гостье Вероника Павловна. — Вы... ты... рада тебя видеть. Вот, считалась твоим романом, не заметила, как ты вошла. Снимай пальто, садись. Предупреждаю, — тут Вероника Павловна допустила в голосе шуточную угрозу, — разговор предстоит непростой. У меня большая правка, так что будь готова. Что? Не боишься строгих редакторов? Молодец. Бери стул, давай смотреть.

Татьяна уселась, и Вероника Павловна открыла рукопись на первой странице.

— Танюша, — говорила она, — ты, бесспорно, молодец, но над текстом ещё надо работать и работать! Многие места просто нудные, неоправданно затянутые, напичканные ненужными подробностями.

Чувствуется неумение подать материал. Много искусственного украшения, местами язык очень тяжёлый, трудный для читателя. Ты должна быть готова к тому, что читать это будут люди посторонние, самые разные, ничего о вас не знающие. Вот здесь, например, подробное, до мелочей, описание домашней обстановки — для чего ты отводишь ему целые две страницы? А, например, вот это место:

Я ещё в детстве выбрала свой путь и шла по нему, не сворачивая. Сколько я себя помню, я всегда мечтала о профессии художника-модельера. Ещё в раннем детстве для своих кукол я придумывала платья необыкновенных фасонов, разыскивала для них по всему дому лоскутки и цветные нитки. Особенно я любила (и по сей день люблю) вязание. Когда ты можешь сама создать ткань нужной плотности, цвета, рисунка, это даёт необыкновенный простор для творчества. Первые уроки преподавала мне бабушка, и я очень быстро освоила эту технику.

— И дальше, Танечка, ты очень подробно описываешь различные способы вязания, кружевного плетения, свои особые навыки. Но для чего это? — говорила Вероника Павловна, по привычке беспрестанно теребя очки. — Это же не статья в профессиональном журнале, а художественный текст. Я понимаю, тебе дорог каждый штрих твоей жизни и жизни родных, но будет ли это интересно постороннему человеку, читателю? Думаю, описание технических деталей можно снять и продолжить вот отсюда:

С тех пор я вязала каждую свободную минуту — на школьных переменках, в транспорте, даже за семейным столом! Папа иногда смеялся и говорил: «Всё плетёшь и плетёшь! Арахна ты моя!» Сперва я не понимала этого слова, потом прочла в энциклопедии и поначалу немного обиделась на папу. Сюжет этой древнегреческой легенды показался мне очень грустным: несчастная ткачиха Арахна была превращена в паука, вечно ткущего свою сеть. Мне не очень нравились эти твари. Бегают быстро, бесшумно, паутина липкая, на даче вляпаешься в неё — неприятно. Но потом порылась во всяких справочниках, в учебниках и решила, что папа, как всегда, прав, а его прозвище — несомненный комплимент. Создания странные, но необыкновенные, искуснейшие мастера, и сплетённая ими сеть — вещь совершенно удивительная, уникальная!

— Да-да, — Вероника Павловна одобритительно кивнула Тане, — я помню, папа действительно в шутку так тебя называл. Ты ведь научилась вязать лет в шесть, а то и раньше? Сначала какие-то нехитрые салфеточки, кукольные одёжки, ну а потом уж наловчилась — со временем у тебя стали получаться необыкновенные вещи! Талант, что и говорить, несомненный талант! Пальчики тоненькие, спицами

или крючком перебирают быстро-быстро, как... и правда, как паучок — лапками! Умилительно было смотреть, — с ласковой улыбкой старинного друга семьи говорила Вероника Павловна.

Но в глубине души она чувствовала, что никакого умиления не испытывает. Напротив, странный эпизод из тех далёких времён отчего-то теперь всплыл в её памяти, как поплавок, отцепившийся от подводной коряги.

В тот день они с мужем в очередной раз пришли в гости к Долговым. Шестилетняя Татьяна стала показывать госте маленькую, величиной с блюдечко, салфеточку, связанную ею из цветных ниток. Для малышки было сделано в самом деле искусство, и Вероника искренне восхищалась, на все лады расхваливая юную мастерицу. Неожиданно дверь в комнату, где они устроились так уютно, так тихо и спокойно, распахнулась, и влетела, хохоча, топя крепкими ножками, трясая золотистыми кудрями, четырёхлетняя Наташка. Бездетная Вероника не сдержалась, схватила её в охапку, стала чмокать в розовые бархатистые щёчки и восклицать: «Ну что за прелесть такая! Ну что за чудо!» И вдруг, чуть обернувшись, встретилась глазами со старшей: Таня смотрела исподлобья тяжёлым, немигающим, недетским взглядом. «Обиделась!» — спохватилась и даже чуть испугалась Вероника. Она попыталась восстановить отношения с девочкой, спрашивала, кто её научил так красиво вязать, уговаривала ещё раз показать ей салфетку, но всё было напрасно: ревнивица нахохлилась и не проронила больше ни слова.

Тогда Вероника не придавала особого значения этому эпизоду — списала всё на обычную детскую обидчивость. Но девочки подрастали, и Вероника раз за разом с недоумением замечала, как мрачнеет лицо Тани, если при ней начинают хвалить сестру. «Может быть, мне это просто мерещилось? Ведь она пишет о сестре с такой нежностью: „золотистый бесёнок“, „сестрёнка“, „выдающаяся актриса“! — думала теперь Вероника Павловна, не глядя на Татьяну и рассеянно покусывая дужку очков. — Нет, не мерещилось! Я ведь даже как-то раз, на правах близкой подруги, хотела поговорить об этом с Олей, но не решилась! А потом, когда девочки выросли, между ними разыгралась настоящая драма. Вот... вот это место... как раз об этом», — и редакторша машинально постучала наконечником ручки по строчкам:

Юность разворачивала перед нами своё радужное полотно, дразнила неизведанным, сулила многое. Откуда же было двум самоуверенным, опьянённым победами девчонкам знать, что главная встреча в жизни суждена им одна — на двоих?

«Вот именно — встреча одна на двоих, — мелькало в голове у Вероники Павловны. — Андрей собирался жениться на Татьяне. Помню, Оля говорила мне:

„Танька замуж выходит. Славный парень такой!“
А славный парень возьми да и влюбись в младшую.
И как влюбился-то! Насмерть! Танька — молодец,
удар выдержала, лихо отплясывала на свадьбе сестры,
но чего ей это стоило — один Бог ведаёт! Но замуж потом так и не вышла, хотя, я знаю точно, поклонниками не была обделена.

..Ещё некоторое время мы с Андрюшей продолжали встречаться. Я видела, как он мечется, как пытается смягчить разрыв, но в мыслях у него — та, другая, что тоже мучается чувством вины. Она несколько раз пыталась со мной поговорить, уверяла, что избегает свиданий, не отвечает на его телефонные звонки, гонит из гримёрки, куда он прорывается после спектакля, демонстративно не замечает его около театрального подъезда. Я не дослушивала, обрывала разговор. Оставь, Наташа, не терзай себя понапрасну, сестрёнка, любовь всё решила за нас.

Я сама отпустила его. Мы сидели на скамейке Чистых прудов, и я чувствовала, как вырастает между нами враждебная, ледяная стена молчания. Я сказала: «Уходи!» Слово было произнесено, Андрей взглянул на меня с благодарностью и явным облегчением, встал и пошёл прочь. «Оглянись», — про себя, в отчаянии последней, тоненькой, как паутинка, надежды, крикнула я. Но он не оглянулся. Мимо шествовали счастливые парочки, птицы веселились в ветвях, подёрнутых нежно-зелёным пухом, а я, проигравшая вистую, сутулилась на бульварной скамье тёмным неживым пятном. Было так больно, как бывает только прекрасным майским днём, напоённым любовью и солнцем...

Свадьбу Андрея и Наташи праздновали осенью, золотой и плодоносной. Были родные и самые близкие друзья. Я нашла в себе силы присутствовать, поздравлять молодых, смеяться и танцевать. Помните сказку о русалочке, которая согласилась ради возлюбленного терпеть страшную боль при каждом шаге, как будто она идёт по лезвию ножа? Вот такую боль испытывала и я, лихо отплясывая на свадьбе любимого человека. Со временем эта боль поутихнет, но вовсе — не пройдёт, её не залечат ни любовные интрижки, ни скоропалительное и недолгое замужество. Тоска по нему, единственному, время от времени будет просыпаться и ныть, как старая рана...

«Видно, до сих пор болит, — думала редакторша, пробегая глазами это горькое признание. Сейчас уж ей далеко за тридцать», — и она скосила глаза на Татьяну, всё ещё красивую, одетую как всегда с необыкновенной элегантностью, доступной только художественным, неординарным натурам. — Это у тебя, Таня, хорошо написано. Не у каждого достанет смелости так написать о своём поражении — честно, ни у кого не ища сочувствия! Ну, давай смотреть дальше.

И редакторша продолжала тыкать ручкой в исчерканные красными пометками страницы. Таня кое с чем мягко спорила, но в общем слушала с огромным вниманием и соглашалась почти с каждым замечанием.

— Какой покладистый автор мне попался! — пошутила Вероника Павловна. — А то ведь многие воспринимают редактора как злейшего врага: не понимает, мол, моего авторского стиля! Порой такой бой приходится выдержать, столько нервов истратить, скажу тебе, что домой прихожу совсем без сил, будто мешки грузила!

Таня тихо и скромно улыбалась. Время текло быстро, стрелка на часах приближалась к десяти. У Вероники Павловны начала ныть спина, у Татьяны от усталости явно рассеивалось внимание. Пора было заканчивать.

— Тань, работа тебе предстоит большая. Не топись. И со всеми вопросами — пиши мне в личку или звони. Надо, чтобы книга о наших с тобой родных людях (она подчеркнула голосом это «наших с тобой», чтобы дать понять Татьяне, как она разделяет её горе) получила бы своего читателя. В память о них обо всех! Я права? — и Вероника взглянула в Танины тёмные серьёзные глаза.

— Конечно, права, Вероничка, — Татьяна впервые за вечер так обратилась к ней, и у Вероники Павловны вновь защемило в носу.

Этим именем, донёсшимся из той, другой, навсегда утраченной жизни, называла её Оля, и вслед за ней — обе сестрички Долговы. «Славная ты моя», — растроганно подумала Вероника и улыбнулась, продолжая задумчиво листать страницы, прежде чем отдать рукопись автору. Какой-то вопрос, как заноза, сидел в её голове, не давал покоя, тревожил с тех пор, как она прочла Танин роман. Ещё пару минут Вероника Павловна помолчала и вдруг решила.

— Тань, а всё-таки как погибла Наташа? Ты пишешь об этом как-то... очень сжато:

В то подёрнутое дымкой летнее утро тело Наташи нашли в прибрежных камышах лесного озера. Отличная пловчиха, не впервой она отправилась купаться в глухую ночную пору. Она любила плавать под чёрным звёздным небом, представлять себя русалкой, повелительницей непроглядных вод, одинокой и свободной. Но в тот роковой вечер коварное озеро взяло над ней верх. Очевидно, в холодном потоке у неё свело ногу, и она не смогла ни вернуться к спасительному судёнышку, ни позвать на помощь. Никто из домашних не видел, как она выскользнула из дома, никого не случилось на берегу в эту немую полночь.

Пробежав глазами эти строки, редакторша невольно поморщилась. «„Русалка“, „немая полночь“, „коварное озеро“ — опять дешёвые штампы! Никуда

не годится»,—подумала она, машинально подчеркнула эти слова, а вслух сказала:

— Я понимаю: тебе, родной сестре, тяжело писать о подробностях. Но сейчас я спрашиваю тебя не как автора, а как друга, я для себя хочу понять, как произошла эта катастрофа. Ведь было расследование, нас ещё тогда всех опросили...

Тут Вероника Павловна взглянула Тане в лицо и вдруг испугалась—как в тот вечер, когда шестилетняя девчушка показывала ей своё вязаное изделие. Сейчас Татьяна смотрела в глаза Веронике тем же тяжёлым, мрачным взглядом, и Вероника кожей почувала, что вопрос задавать не следовало. — Она,—глухо и медленно выговорила Татьяна,— видно, выпила лишнего на папином дне рождения, вод её на подвиги и потянуло. Переоценила себя, свои силы. Заплыла в опасное место, туда, где со дна бьют ключи, ногу-то у неё и свело. Да к тому же на ней была такая тоненькая кружевная сорочка, она не удосужилась её снять. Зацепилась ею за корягу. Ну и захлебнулась.

Всё это Вероника Павловна знала и так—от соседей, обнаруживших тело Наташи, от следователя, который приезжал на место происшествия. Сейчас её поразили не эти детали, а тон Татьяны—в нём Веронике почувались отстранённость и даже лёгкое пренебрежение. Вероника Павловна расстроилась. «Может быть, мне всё только кажется?—беспокоилась она, испытывая что-то похожее на угрызения совести.—И зачем я спросила? Кто меня за язык тянул? Что нового она мне скажет? Да и кому сейчас, спустя годы, это нужно?»

— Танечка,—заюлила она, стараясь снять неожиданно возникшее напряжение,—автор ты, конечно, неопытный, но работу сделала большую. Молодец. Посмотри внимательно мои замечания, внеси правку, и будем готовить рукопись к печати. Но тут последнее слово—за главным редактором, так что обещать ничего заранее не буду. Ты, надеюсь, понимаешь.

— Конечно, понимаю, Вероничка,—отвечала Татьяна совсем другим—мягким и любезным—тоном.—Получится—хорошо, не получится—спасибо, что прочли.

Она положила папку в сумку и достала оттуда небольшой свёрток.

— Это—вам. Ещё раз большущее спасибо.

Вероника Павловна развернула пакет, и что-то шелковистое, таинственно поблёскивающее серебристыми нитями заструилось по её рукам. Это был искусно связанный палантин, нежный, невесомый, источающий тонкий, почти неуловимый аромат. — Танюша,—Вероника Павловна от восхищения даже дыхание загаила,—просто... нет слов. Какая же ты мастерица! Вот уж спасибо так спасибо! Удивительная вещь,—она набросила на плечи накидку и гордо выпрямилась.—Красота! Как бы мама и папа тобой гордились!—грустно проговорила она.

Татьяна так же печально вздохнула в ответ, тихо улынулась, накинула пальто и ушла.

Вероника осталась в редакции одна. Надо было собираться домой, но она отчего-то медлила—никак не отпускала неясная тревога, связанная с Таниным текстом. Она невольно стала перебирать в памяти события того страшного, пятилетней давности, утра.

В день рождения Сергея на даче у Долговых собралось множество гостей. Было так шумно и весело, что даже Вероника забыла на время о своём печальном вдовстве и радовалась от души. Как красивы были хозяева! Дочери, желая доставить удовольствие отцу, оделись с особым тщанием: на Наташе было яркое шёлковое летящее на ветру платье, а на Тане—что-то совершенно необычное, несимметричное, с бахромой, и на голых плечах—белая невесомая, кружевной вязки, накидка.

На большой застеклённой террасе накрыли столы, тосты и веселье лились рекой. Ольга с дочерьми наколдowali, напекли, нажарили. Насытись и взбодрив себя добрыми напитками, гости затеяли петь. Затянули старинную раздольную казачью песню. «Ой, то не вечер, то не ве-ече-ер»,—слегка нестройно, но старательно вторили друзья слаженному дуэту хозяев. И вдруг, заглушив голоса поющих, как порыв ветра заглушает шелест травы, над их разноголосым хором понёсся сильный грудной голос. Все притихли, лишь отец тихонько вёл басы, оттеняя пение Натальи. И открылась мысленному взору раздольная древняя степь, окутанная серым предрассветным туманом, и мрачным, неосознанным пока ещё пророчеством прозвучали последние слова баллады:

Ох, пропадёт, он говорил,
Да твоя буйна голова-а-а...

Песня смолкла, улетела в раскрытые окна. Несколько секунд все молчали, будто находясь во власти разыгравшейся в старину драмы, потом заговорили, заплодировали, кто-то под влиянием песни и выпитого смахнул слезу. Через несколько минут завели музыку, стали танцевать и разошлись далеко за полночь, вспоминая праздник как подарок. А спустя несколько часов и праздник, и радость, и сама жизнь были зачёркнуты—неожиданно и страшно!

Веронике отвели маленькую уютную комнатку в мансарде. Она мирно спала, когда её разбудили беготня и крики. Не понимая, в чём дело, но чувствуя беду, она наспех оделась и спустилась вниз. Потом она вместе со всеми бежала к озеру, видела, как мужики впопыхах отвязывают лодки. Поднялась суета, пилой по нервам взвыли двигатели моторок, глухо застучали вёсла. Ещё запомнился Егорыч—старый поселковый сторож. Он работал в посёлке с незапамятных времён,

и его любили, несмотря на пьянство. Пил он тихо, никогда не буянил, не лез к дачникам одалживать деньги, работу свою исполнял ответственно — вооружения в посёлке никогда не водилось. Семью Долговых старик особо привечал, любил вести с Сергеем серьёзные разговоры за жизнь, девчонок баловал — катал их на своей лодке, когда были маленькие, показывал на озере тайные опасные места с холодными ключами, подводными потоками, водоворотом или омутом. Когда девочки подросли, охотно давал им свою лодку покататься, а то и порыбачить. «Да пользуйтесь как своей, без спроса, — говорил старик. — Я уж на рыбалку редко когда выбираюсь, так чего она будет на берегу без дела сохнуть? Катайтесь на здорье, только про осторожность не забывайте». И Долговы катались, катали своих друзей, отгребали подальше от берега и там ныряли с лодки на глубину. Особенно любила эти дальние заплывы Наташа — она плавала как рыба, могла долго не выныривать, не боялась заплывать в рискованные места. «Ох ты, буйная головушка, — выговаривал ей обожавший её Егорыч, — остереглась бы ты, Натаха. Не шуткуй с нашим озером — всякие тут случаи случались!» — «Не бойся, Егорыч, — хохотала в ответ неугомонная Наташка, — я твои уроки помню».

Сейчас старик-сторож испуганно мельтешил у кромки воды — его лодки не было. Он встретился испуганными глазами с Вероникой: «Слышь-ка, это... она, должно, мою лодку взяла... стало быть... покататься... Надо того... иттить искать мою-то... то есть... где лодка, там стало быть... и того...»

Потом на них на всех обрушилась тишина. В этой беспощадной тишине медленно подплывала к берегу чья-то плоскодонка. Из неё вынесли тело, накрытое брезентом, положили на песок, и Оля, не издав ни звука, упала рядом. Егорыч тем временем нашёл свою лодку, приплыл к берегу и сунул Веронике в руки кружевную Танину накидку. «На-ка, Вероничка, — шёпотом сказал он ей. — Отдай хозяйке, — и пробормотал, странно глядя ей в глаза: — У себя в лодке нашёл». Но тогда Вероника не придавала этому никакого значения, а просто рассеянно сунула накидку в карман.

Потом Андрей и ещё трое ребят по лесной тропинке несли носилки, соседи следом вели под руки отца и мать, те спотыкались на каждом шагу, как слепые.

Сидя за столом в полутёмной редакции, Вероника удивительно ясно представила то, что тогда, пять лет назад, нисколько не зацепило её внимания, но отпечаталось в памяти, как след в глине. Было что-то странное в тех далёких событиях, какие-то необъяснимые несовпадения, нестыковки. Ведь когда они бегали по посёлку и на все голоса звали Наташу, Татьяны с ними не было — Вероника не могла вспомнить её ни в толпе, спящей по улицам

посёлка, ни позже на берегу. Впервые за всё утро Вероника увидела Таню во дворе дома — она вышла навстречу скорбной процессии. Подол её платья, вспоминала теперь Вероника, странно вытянута, будто мокрый. Когда Вероника отдала ей накидку, Таня кивнула, скомкала невесомый кусочек кружев в кулаке, резко отбросила его за кусты сирени, и Вероника решила, что она рассердилась: дескать, зачем к ней лезть с какой-то тряпкой в такую страшную минуту?

Вскоре приехала милиция. Следовательно, невольный тем, что его «дёрнули» в выходной день, опросил родных и знакомых, составил протокол и уехал, неприязненно бормоча: «Напьются, потом тонут, едрёна корень!» Ему было всё ясно: молодая баба приняла лишку на папином дне рождения, расхрабрилась, нырнула с лодки, сдуру заплывала куда не следует, да ещё и за корягу сорочкой зацепилась. Что с них взять, с дачников этих?! Одно слово — москвичи!

После его отъезда гости разъехались, соседи разошлись, члены семьи с потерянными лицами уселись на большой застеклённой террасе. Вероника решила не оставлять друзей наедине с их горем, побыть с ними ещё какое-то время. Сидели, молчали, не в силах осознать до конца ужас произошедшего. Вдруг Олю накрыло сущее безумие. Она будто сорвалась в пропасть, стала набрасываться на зятя и мужа, выкрикивала им в лицо нелепые обвинения, не слушала ни успокаивающих слов, ни объяснений. «Ты, — бросала она Андрею в его жалкое, растерянное лицо, — ты где был? Что? Пошёл в душ? Потом заснул? Посмотрите на него! Что? Решил, что она прогуляться пошла? И проспал до утра!! У него жена пропала, а он до утра проспал, мямля! Я тебе доверила свою девочку, а ты!.. Ты!..»

«А ведь и вправду — славный был парень, — тихо улыбнулась Вероника Павловна, рассеянно следя за неугомонной секундной стрелкой редакционных часов, — добродушный, надёжный. Как он любил Наташку, всё ей прощал, колдунье своей!.. В тот день на него было просто страшно смотреть!.. Что с ним теперь? Смог ли он хоть отчасти утешиться, справиться со своей бедой?»

Невыносимая сцена на террасе продолжалась. Олю никак не удавалось успокоить, но тут Сергей порывистым движением обхватил её за плечи и с силой притянул к себе. Она всхлинула, как уставший от рыданий ребёнок, и, прикинув головой к его плечу, заплакала. Они сидели, обнявшись, на плетёном диванчике — осиротевшие отец и мать, и Вероника чувствовала, что её сердце вот-вот разорвётся от жалости. Она поняла, что друзей сейчас надо оставить одних, встала, взяла сумку и тихонько направилась к выходу. Татьяна вышла за ней на крыльцо, они тепло попрощались, Вероника

велела в случае нужды звонить ей в любое время, Таня кивала, соглашаясь. И только сейчас, спустя годы, бредя из издательства к метро по мартовским лужам, Вероника Павловна запоздало удивлялась: отчего тогда Татьяна была так спокойна? Родители и Андрей не находили себе места, видно было, что каждый из них сражён горем, а Таня была, конечно, печальна, но — не более!

Добравшись до дому, Вероника Павловна в первую очередь решила получше рассмотреть Танин подарок. Надо было бы приготовить что-нибудь на ужин или по крайней мере попить чаю, но ей не терпелось в спокойной домашней обстановке примерить обновку. Она прошла к большому, в рост, зеркалу, накинула на плечи палантин и стала вертеться, любясь своим отражением и перебирая в голове свои лучшие наряды, с которыми можно будет надеть такую красоту. Сейчас вещь показалась ей даже лучше, чем тогда, когда она увидела её впервые, в редакции, — нежное шёлковое полотно обволакивало тело еле ощутимым живым теплом. «Как паутинка», — восторженно подумала Вероника Павловна — и вдруг замерла. «Арахна ты моя», — неожиданно пришло ей в голову, и зеркало отразило её округлившиеся глаза и остановившийся взгляд.

Как она могла забыть? Как это выскочило у неё из головы? Вероника Павловна дрожащими руками сорвала с себя палантин и откинула его в сторону, будто кусок ткани был в чём-то виноват. Так когда-то Татьяна откинула в кусты свою накидку — очевидно, немую свидетельницу разыгравшейся втайне ото всех трагедии.

В ночь после праздника, прежде чем улечься спать в романтической мансарде под крышей дома, Вероника подошла к полукруглому окну, и долго смотрела сверху на небольшой яблоневый садик, залитый лунным светом. Когда Таня и Наташа были совсем маленькие, Сергей посадил здесь несколько саженцев. Деревья росли одновременно с девочками, плодоносили, разрастались, и теперь их раскидистые ветки сплелись в причудливый узор. Под этими ветвями она заметила какое-то шевеленье, мелькнула белая рубашка, вспенилось платье. Э-э-э, да это Андрюшка с Наташкой обнимаются тайком среди яблонь, как школьники! А ведь они женаты уже несколько лет! Вероника тихо улыбнулась, и у неё защемило на сердце: вспомнился муж, молодость, любовь, такие же, как у тех двоих под яблонями, приступы неожиданного, нетерпеливого желания.

Вдруг ей послышался чей-то слабый крик, какая-то белая фигура пробежала по дорожке, ведущей к калитке, и скрылась. Наталья и Андрей — его рубашка фосфоресцировала в лунном свете — пошли в дом. Вероника осталась стоять в задумчивости у окошка — сон почему-то пропал. В свете

луны притихший спящий дом, сад, кусты сирени у забора — всё казалось таинственным, исполненным волшебства. Так прошло с четверть часа, и Вероника увидела, как Наталья в своём развевающемся платье проشمгнула по дорожке к калитке. «Чего это у них там?» — удивилась Вероника, но потом устыдилась своего подглядывания и легла в постель.

«Странно, — тревожно думала теперь Вероника Павловна, — у Татьяны в тексте нет об этом ни слова. Она детально описывает отцовский праздник, погоду, блюда на столе, профессиональным взглядом замечает, во что были одеты гости, но ни слова о том ночном эпизоде. Будто специально что-то хочет скрыть! Но я-то ведь видела, как сёстры куда-то побежали одна за другой, значит, они где-то встретились! И значит, той ночью на озере они были *вместе*... Боже мой, ведь Егорыч нашёл Танькину накидку в своей лодке и отдал её мне. И ещё так пристально мне в глаза поглядел. Неужели старик тогда что-то заподозрил? Но что? — и она почувствовала, как бешено, до боли, заколотилось сердце. — Что же?... Татьяна... утопила сестру? Нет, не может быть! — и Вероника Павловна замотала головой, будто хотела вытряхнуть оттуда эту ужасную мысль. — На теле погибшей никаких следов насилия не было: ни синяков, ни ран — ничего. Столкнись с лодки Наталью Танька не смогла бы — та была сильнее, тренированнее». Она отошла от зеркала, выключила верхний свет, оставив только торшер, и обессиленно плюхнулась на пуф.

Воспоминания будто нарочно цеплялись одно за другое, растравляли память, не давали успокоиться. «На ней была такая тоненькая кружевная сорочка, она не удосужилась её снять, зацепилась ею за корягу», — вспомнила она слова Татьяны, и воображение тут же услужливо ей нарисовало картинку с Наташиной свадьбы: красавица-невеста рассматривает подарки, разворачивает изящный свёрток, украшенный нарядной лентой, и бросается с поцелуями на шею сестре. В свёртке оказывается кружевное чудо — искуснейшим образом вытканная сорочка, та самая, которая через несколько лет станет причиной её гибели.

Вероника Павловна скосила глаза на палантин, таинственно поблёскивающий на полу в приглушённом свете торшера, и вдруг заплакала — не сдерживаясь, громко, в голос. «Неужели все эти Танькины нежности в память о родных, все эти тёплые слова о семейной гармонии, о сестринском всепрощении — всё обман? И не было никакой гармонии, не было настоящего тепла, а только ложь и затаённая ненависть, исподволь разъедавшая семью?» — всхлипывала она, не в силах справиться с отчаянием. Долгие годы она согревалась душой в семье своих друзей, в атмосфере их радости и любви. И вот теперь этот спасительный маячок

погас, и она плакала не столько о них, давно ушедших, сколько о себе—совершенно одинокой под безбрежным холодным небом, равнодушно глядящим на неё сквозь оконное стекло.

После смерти Сергея она несколько раз навещала Олю. «Ушли,—тихо, будто разговаривая с самой собой, говорила Ольга,—оставили меня. Хочу к ним... туда... скорей бы уж...»—«Ну что ты говоришь, Оля?!—на правах близкой подруги одёргивала её Вероника, с горечью всматриваясь в искажённые горем черты когда-то прелестного лица.—Перестань, ты восстановишься, ты должна жить. Подумай о Танюше—она ведь останется совсем одна. У неё никого нет, кроме тебя». Ольга замолкла, бессильно свешивала голову, но как-то раз вдруг резко и, как показалось Веронике, раздражённо ответила: «Она не пропадёт».—«Что значит „не пропадёт“?»—опешила Вероника. Конечно, Татьяна—взрослый, самостоятельный и весьма успешный человек. Она сотрудничает с ведущими домами моды, получает призы и награды на международных выставках, у неё нет отбоя от заказчиков. Да и мужским вниманием не обделена: было б желание—одна не останется. Но родной человек, мать—это совсем другое дело. Кому, как не одинокой Веронике, знать, какво это—каждый вечер возвращаться в пустой тёмный дом, где тебя никто не ждёт? Всё это хотела сказать Вероника, но поймала Олин взгляд—госкливый, как у потерявшейся собаки, осеклась и лишь молча погладила её худое плечо. Тогда она не поняла, что хотела сказать её несчастная подруга: убитый горем человек не всегда может контролировать свои слова и интонации. Но теперь Вероника Павловна мучилась от ужасной догадки. Неужели Оля что-то подозревала, чуяла материнским сердцем? Может быть, не только тоска по умершим так быстро свела её в могилу, но и страшные подозрения о вине старшей дочери? Кто знает?

Слёзы принесли облегчение, в голове прояснилось, как проясняется небосвод после хорошей грозы. «А что, если... всё это просто мои выдумки?—принялась размышлять Вероника Павловна.—Я сегодня устала, день был сумасшедший, спорила с главным, встречалась с Татьяной—вот и мерещится невесть что! С чего я взяла, что сёстры были в лодке вместе? Егорычу, старому алкашу, в голову что-то ударило—и я туда же? Вполне могло быть так: Танька могла взять его лодку, немного покататься, причалить, накидку нечаянно потерять и пойти домой. А Наташка прибежала на берег уже после этого и решила погеройствовать, поплавать в ночном озере—она ведь шальная девка была, ей всякое море по колено казалось. И впрямь—русалкой себя вообразила! Так что Танькина накидка в лодке сама по себе ничего не доказывает. А её спокойствие и то, что

сестру не побежала разыскивать вместе со всеми? Характер такой... Наталья-то была—душа нараспаしく, а эта—вся в себе,—Вероника Павловна глубоко вздохнула.—Как бы то ни было, теперь уже ничего не докажешь, ответа не найдёшь, да и спрашивать некому». Она промокнула платком разгорячённое лицо и безвольно сгорбилась на пуфике. Шевелиться не было сил, голова казалась лёгкой и совершенно пустой, будто со слезами из неё вытекли все мысли. На полу ненужной тряпкой распластался палантин. «Никогда... ни за что... его не надену»,—с пронзительной ясностью поняла Вероника и устало прикрыла глаза рукой...

Татьяна добралась до своего дачного посёлка к полуночи. После смерти родных она почти постоянно жила на даче, выбираясь в Москву только для встречи с заказчиками. Посёлок в это время года был почти безлюден—лишь в двух-трёх домах дымились трубы. Вокруг было тихо, окна пустых дач насупленно смотрели на скользкие, нечищенные дорожки, ели топорщили чёрные лапы, и в их горделивом молчании Тανε почудилось что-то угрожающее. Она испуганно заторопилась по заснеженной улочке к своей даче.

Старый дом встретил её гулкой пустотой, будто его покидали не на несколько часов, а на многие месяцы. Надо было бы затопить печь, включить обогреватели, но Татьяна прошла на террасу и задумчиво прислонилась лбом к оконному стеклу, глядя вдаль, на тёмную стену леса за посёлком. Тюль-паутинка, драпирующий огромные окна террасы,—одна из её давних и лучших работ—легко коснулся её щеки. Она отбросила его лёгким движением, чуть зацепив тоненькую, как осенняя паутинка, ниточку острым, тщательно обработанным ноготком, поёжилась, и опять, в который раз, вспомнила ту ночь на озере и сменившее её страшное утро.

Отцовские яблони раскинули перед окном голые ветки. В ночь после отцовского юбилея Татьяна случайно увидела, как Андрей с Наташей целовались под яблоневою сенью—потом оказалось, что в последний раз...

Она познакомилась с Андреем на какой-то вечеринке. Он пришёл туда вместе с приятелем, когда веселье было в самом разгаре—шумно, дымно, пьяно. В тот вечер ей отчего-то было грустно, не хотелось танцевать, она собиралась незаметно уйти. Неожиданно незнакомый парень присел рядышком на стул и спросил: «Скучаете?»

Таня повернула голову и встретилась с ним глазами. Взгляд был мужской, откровенный, оценивающий, от которого у неё что-то дрогнуло внутри. «Потанцуем?»—он обвил рукой её талию, и Таня с необычной для себя готовностью покорилась этому властному движению.

Крис Ри пел «I just wanna be with you», и под эту красивую, чувственную мелодию они всё теснее прижались друг к другу. А потом тихонько покинули вечеринку и отправились бродить по зимней Москве. Разноцветные вечерние окна освещали улицу, снег поскрипывал под ногами. С того вечера, заметённого снегом горьких утрат, Татьяна полюбила зиму, её вкрадчиво-жесткий нор, её пронзительное дыхание.

Они гуляли, зашли в небольшое кафе, говорили обо всём на свете, и ей казалось, что они знакомы давным-давно и понимают друг друга с полуслова, как старые добрые друзья. Всё в нём ей нравилось — спокойствие, происходящее от внутренней силы, неторопливая речь, добродушная, чуть насмешливая улыбка.

Вернувшись домой, уже в постели, Татьяна вновь и вновь вспоминала подробности этого вечера. Ею вдруг овладели странные, удивительные мечты. Она закрыла глаза и представила себе картину: светлый абажур над столом, узорчатая скатерть, за столом двое — она и Андрей. Вечер, ужин, а впереди — долгая жизнь вместе. Эта вообразимая картина была такой яркой, что Таня неслышно засмеялась в подушку от ощущения невыразимого счастья.

Некоторое время после знакомства с Андрюшей Таня была совершенно счастлива. От одного звука его голоса в телефонной трубке, от его взгляда, от прикосновения больших рук, даже при одном воспоминании о нём её окатывало горячей волной радости. Волшебница-зима подходила к концу, февраль бессильно потрясал последними вьюгами, и ей казалось, что её сны вот-вот сбудутся. Их костёр горел ровно и уверенно, и они — пока обняв, смеясь, как бы примериваясь друг к другу, — начинали поговаривать о свадьбе, строить совместные планы. Андрюша уже несколько раз приходил к ним домой, Таня представила его родителям и была страшно горда, что они одобрили её выбор, радуются за дочь.

«Как всё же слеп счастливый человек! — думала Татьяна, нервно постукивая тонкими пальцами по оконному стеклу, точно это постукивание помогало смягчить боль воспоминаний. — Как он не чувствует беду, словно ребёнок, заигравшийся около железной дороги!»

Так уж получилось, что Андрей, бывая у Долговых, ни разу не застал Наташу. Вправду сказать, она навещала дом урывками: спектакли, съёмки, репетиции, бесчисленные друзья, поклонники — бьющая ключом богемная жизнь. Родители чаще видели её в спектаклях, куда она их приглашала, чем дома. Татьяна в глубине души радовалась незнакомству Андрея с Наташей, будто подсознательно боялась их встречи.

«Впрочем, — думала она сейчас, уныло глядя через окно на озябшие, утопающие в просевшем снегу яблони, — я теперь понимаю, что, когда бы они ни встретились друг с другом, пусть даже на самой моей свадьбе, это, наверное, ничего бы не изменило».

Она знала: тот мартовский день ей никогда не забыть, он будет возвращаться снова и снова и мучить её, как дурной сон...

Они с Андреем шли по улице, старательно обходили островки мокрого талого снега, подставляли первым тёплым лучам побледневшие за зиму лица. День был по-настоящему весенний: над головами раскрылся бездонный синий купол неба, и победно звенела капель. Таня держала Андрея под руку и вдруг непроизвольно вцепилась в его куртку. Ей показалось, что многоголосье московской улицы стихло — им навстречу неторопливо шла, плыла в весёлом солнечном свете высокая девушка, и волосы сияли вокруг её головы золотым ореолом. Вот она, приветливо улыбаясь, подошла, протянула руку, румяные красивые губы произнесли обычные вежливые слова: «Наконец-то познакомились, рада вас видеть». Татьяне ничего не оставалось делать, как только промямлить: «Моя сестра Наташа. Я рассказывала тебе о ней». Она сама слышала, как на редкость бесцветно, безрадостно звучит её голос, но поделаться с собой ничего не могла. Широкие рукава Наташиного весеннего пальто развевались, как крылья птицы. Татьяна чувствовала, что Андрей глядит в её дерзкие светлые глаза, и не могла подавить непонятную тоску.

Неожиданно сестра предложила: «Ребята, а пошли-ка со мной. Мы собираемся в мастерской у приятеля-художника. Не пожалеете, честное слово».

Тане показалось, что она стоит на краю пропасти, хочет сделать шаг назад и не может. Она начала отнекиваться, сердиться, настаивала на том, что у них с Андреем совсем другие планы. Но как можно что-либо изменить там, где начинает действовать судьба? Её уговорили и повлекли за собой, молчаливую и раздражённую, в тихий переулочек, в старый, скрипучий флигель в глубине двора, в просторную, обветшалую, пропахшую красками и табаком, завешенную холстами комнату. Там их встретили как старых добрых друзей, усадили за стол, накрытый бумагой, уставленный бутылками водки и немудрёной закуской. Было весело, дружелюбно и шумно, потом кто-то крикнул: «Наташ, спой чего-нибудь», — и вот уже притащили гитару, сестра взяла её, стала настраивать. Таня, сидя рядом с Андреем, напряглась всем телом. Сейчас бы вскочить, отобрать гитару, порвать струну, схватить любимого в охапку и — прочь, скорее прочь от рыжей ведьмы, от её лукавых светлых глаз, от дразнящих белых зубов! Но поздно — уже лёг на сердце вкрадчивый перезвон, уже полился,

бередя душу, необыкновенный, с волнующей хрипотцой на низких тонах, колдовской голос, и от звуков этого голоса, как от напора весеннего ветра, рухнул картонный домик Таниных надежд...

Долгие годы, ледяной струёй протёкшие с того дня, когда эта рыжая ведьма—сестрица—высочила на них с Андреем из-за угла и затащила в вонючий подвал к своим безалаберным друзьям, каждый из которых строил из себя непонятого гения, Таня ждала. Она была уверена: не пройдёт и года, от силы—двух лет, и Андрею надоедят стойкое отвращение Наташки к домашнему быту, её честолюбивые мечты о славе, её стремление всегда быть в центре внимания, толпы её друзей и поклонников, обрывавших вечерами телефон, её шумливость, её по-детски жадное любопытство к людям. Татьяна предвкушала его освобождение от колдовских чар сестры, охлаждение, нарастающее раздражение и, наконец, разрыв. И тогда... кто знает, может, ему и вспомнятся прогулки по заснеженным улицам, спокойные отношения, полные понимания и дружелюбия? Месяцы складывались в годы, мать время от времени с горечью рассказывала Татьяне о ссорах Наташи с мужем, о её мимолётных интрижках на стороне, и Татьяна, сочувственно округляя глаза и качая головой, чувствовала, как тайная радость терпким вином разливается по её жилам.

Поздним вечером после отцовского дня рождения, когда родители и гости улеглись спать, она вышла на крылечко—помечтать. Ночь была тёплая, молодая листва тихонько шепталась под звёздным необъятным небом, в отдалении чернел лес. Татьяна перевела глаза на яблоневый сад. Вдруг там, под сенью раскидистых деревьев, мелькнула белая рубашка, послышался прерывистый вздох. Она всмотрелась, встала и неслышно подошла поближе: под яблонями, прячась, как тайные любовники, стояли и, забыв обо всём на свете, страстно целовались Наталья и Андрей. Целовались, как будто только что встретились после долгой разлуки, как будто они только вчера поженились! Татьяна, не сдержавшись, вскрикнула, бросилась вон за калитку и, забыв о страхе перед тёмным и пустынным лесом, спотыкаясь о невидимые во тьме корни, побежала к озеру. Выскочив на берег, она влезла в лодку старого Егорыча, которой Долговы всегда пользовались как своей, села на корме и съёжилась от боли, закрыв лицо руками. Надежды, которые она лелеяла в себе все эти годы, оказались бессмысленными! Они целуются—жадно и нетерпеливо, как подростки, не в силах даже добежать до супружеской постели. Нет, нисколько он не охладел к жене за эти годы, никогда он не вернётся к Татьяне. Вцепившись ногтями в наброшенную на плечи кружевную накидку, превратившись

в сплошной комок боли, она сидела на корме лодки. Только сейчас с беспощадной ясностью она поняла: то, что могла она предложить ему,—домашний уют, жизнь по расписанию—было ему не нужно. Он по натуре оказался страстным охотником и ни за что не променял бы азарт вечной погони за непокорной, до конца не прирученной птицей на ровный свет семейного абажура.

Татьяна вздохнула, зябко повела плечами—на террасе становилось всё холоднее—и сильнее прижалась лбом к оконному стеклу. Андрея она потеряла навсегда, но и у неё есть повод для маленького торжества. Не прошло и года после гибели Наташи, как она узнала от общих знакомых, что Андрей женится. Сначала ей было взгрустнулось, и она чуть заревновала к этой новой, неведомой любви, но очень быстро успокоилась. Её любовь к этому человеку давно переродилась в сладкое ожидание мести. И вот теперь эта месть свершилась, справедливость восторжествовала: недолго он вдовствовал, недолго страдал.

Ей пришла на память её последняя случайная встреча с Андреем пару лет назад: её бывший возлюбленный и зять шёл с новой женой и двухлетним сыном, нежно поддерживая под руку свою спутницу, так же, как когда-то поддерживал саму Татьяну. Он приветливо с ней раскланялся, представил жену, со счастливым выражением лица махнул рукой в сторону своего забавно-серьёзного бутуза. Пока молодуха что-то радостно щебетала, рассказывая про малыша, Татьяна, не стесняясь, пристально смотрела Андрею в его счастливое, чуть округлившееся лицо и с тайным удовлетворением думала, как быстро он излечился от своего горя, как смело, не оглядываясь, шагнул в новую жизнь, оставив погибшую жену где-то на краешке своих воспоминаний.

Лодку, в которой, не плача и не дыша от сжимавшей горло тоски, сидела Таня, внезапно сильно качнуло. Чья-то рука легла ей на плечо, и мягкие локоны защекотали её щёку. Это сестра целовала её склонённую голову, приговаривая: «Танюшка, милая, прости меня. Я не знала, что ты всё ещё... Я... я дура... Прости. Мы утром же уедем».

«Конечно, дура,—с раздражением думала Таня, пытаясь уклониться от Наташкиных поцелуев.—Когда ты чего вообще понимала?!»

Вдруг Наталья отстранилась и загремела цепью, которой лодка была привязана к причалу. «Что ты делаешь?»—зашипела Татьяна. «Покатаемся, вода всё смое»,—низким голосом проговорила Наталья, села на вёсла и мощными, сильными рывками погнала лодку на середину озера.

«Ну куда тебя несёт?!»—взвизгнула Таня. Господи, как эта вертихвостка всегда—всегда, с детства—её злила!

Сидя в лодке, Таня смотрела на гибкий стан сестры, качающийся взад-вперёд в соответствии с движением вёсел, на её сильные, длинные, раздвинутые ноги, упирающиеся в пол судёнышка, и чувствовала, как её захлёстывает ненависть. Встать бы да стукнуть веслом по рыжей кудлатой башке или сунуть рожей в воду— пусть бы побарахтались! Вдруг Наташка перестала грести, вытянула вёсла из воды и сбросила с себя платье.

«Ты чего, совсем очумела?»— уже не сдерживаясь, заорала Таня. Под платьем у Натальи оказалась тоненькая кружевная шелковистая сорочка, едва доходящая до середины стройного красивого бедра. Таня несильно застонала: эту эротическую, прозрачную, нежную и одновременно прочную рубашечку она вязала для себя— в те дни, когда она, а не Наташка, была невестой Андрея. Вязала для себя, а подарила другой, загнав слёзы и отчаяние поглубже внутрь ноющего сердца.

Луна лила своё серебро на озеро и на упругое тело молодой колдуньи. «Вода смоем все печали»,— глухо и протяжно выговорила Наташа и вытянувшись, прямо в сорочке, нырнула в воду. «Тань, давай сюда, вода— отличная»,— закричала она сестре, красивыми сильными движениями унося себя всё дальше и дальше. «Ну вот куда её несёт?— злясь всё больше, думала Таня.— Ведь там же ключи бьют, омут, туда никто не плавает, даже парни деревенские». Вдруг Наташка опять закричала: «Таня, Таня!»— «Да отстань же ты от меня»,— чуть не плача от раздражения, забормотала себе под нос Татьяна. Она твёрдо решила не отвечать сестре ни словом. Та продолжала кричать, и что-то тревожное почудилось Тане в этих криках. Она всмотрелась в темноту, где раздавались крики и плеск воды. «По... по... по-мо-ги!»— наконец разобрала она.— «Помоги! Сюда! Сюда!» Наташа явно захлёбывалась, что-то случилось с ней в воде. Таня схватилась за вёсла, стала разворачивать лодку и вдруг... А что, если махнуть веслом и поплыть в другую сторону? А эта пусть выбирается как хочет, пусть хоть немного пострадает, хоть немного глотнёт боли и страха. Эта мысль наполнила Танино сердце такой тихой радостью, ощущением такой свободы, что она, почти не контролируя свои действия, сделала несколько рывков веслом и начала уверенно и сильно грести к противоположному берегу. В спину ей нёсся умоляющий голос Натальи, но он постепенно гас в поглощённом тьмой озере и, наконец, стих совсем. Вдруг Татьяна обомлела: за лодкой кто-то плыл! На секунду она замерла от ужаса, потом сообразила: это Наташкино платье сползло с кормы и зацепилось за какую-то заусеницу в обшивке. Таня перелезла на заднее сиденье и попыталась освободиться от нежеланного свидетеля, но паршивец держался крепко и не отцеплялся. Она перегнулась через борт, стала рвать тонкую ткань

резкими отчаянными движениями, но в воде они теряли силу, и платье, как навязчивое привидение, продолжало преследовать лодку. Лодка качалась и норовила перевернуться, Таня паниковала, чертыхалась, била проклятый кусок шёлка кулаками и веслом и, наконец, победила. Платье отцепилось, вальяжно покачалось на озёрной ряби и скрылось из вида. Таня перевела дыхание и взялась за вёсла.

Наконец судёнышко зашуршало килем по дну. Таня, мокрая, плохо соображающая, перелезла через борт и очутилась по колено в воде, намочив платье чуть не до пояса. Ноги увязли в иле, она с трудом выбралась на берег, сняла измазанные босоножки и заплетаясь ногами побрела домой. Тихонько проскользнув в свою комнату на втором этаже и скорчившись в постели, она попыталась понять: что же она сделала? Что будет, когда Наташка, вернувшись домой, расскажет родным, как было дело? Тогда Таня будет стоять насмерть: не успела подплыть, не сориентировалась в темноте, лодка запугалась в камышах или что-то в этом роде. А если... и тут её сердце вздрогнуло от страха: если она не вернётся?! «Не думать об этом»,— запретила себе Таня, подтянула колени к подбородку и задремала.

Разбудил её отчаянный стук в дверь. «Таня,— кричал отец,— Таня, открой! Ты не знаешь, где Наташа?» Татьяна соскочила с кровати, накинула ещё сыроватое платье («А где накидка?»— мелькнуло в голове), рывком открыла дверь и отшатнулась— она никогда не видела отца в таком состоянии. Лицо его было перекошено, глаза от волнения чуть не выкатывались из орбит. «Откуда мне знать?— отвечала она, стараясь справиться с противной мелкой дрожью.— Что я ей, сторож? У Андрея спроси!» Но отец не дослушал, махнул рукой и ринулся вниз по лестнице, на ходу бормоча: «Он не знает. Он и поднял тревогу: говорит, пошёл в душ, пришёл— её нет. Решил, что она пошла прогуляться. Лёг и заснул. И проспал до сих пор. А её вот нет и нет!» У Татьяны руки стали ледяными от предательского страха. Она вышла на улицу— родные и соседи побежали к озеру, а она осталась стоять у калитки. Ноги подкашивались, сердце прыгало в груди, не хватало сил бежать со всеми. Она отчаянно трусила: «Теперь начнут следствие, будут допрашивать: где была, что видела? Как это у них называется? Оставление в беде? Уголовная статья!» Она несколько раз глубоко вздохнула— где-то прочла, что это помогает справиться с волнением. Ей и в самом деле стало как будто немного легче. «Главное— не выдать себя,— она напрягла память, мысленно восстановила картину вчерашнего берега, залитого призрачным лунным светом, тихого и совершенно пустынного.— На берегу никого не было, никто не видел, как мы отплывали. Это точно». Вдруг её бросило в жар: «Где же всё-таки моя накидка?»

«Где я могла её потерять? Неужели в Егорычевой лодке оставила? Ведь затаскают на следствие!.. Не-е-ет, — Татьяна напряглась всем телом и сжала кулаки, — буду держаться как кремень. Не поддамся. Скажу так: сидела в лодке, посмотрела на лунную дорожку и пошла домой. Как накидку потеряла, не заметила. Наташу не видела».

Когда эта недотёпа Вероничка сунула ей её накидку, Татьяна в первую секунду чуть не потеряла сознание. «Вот она, улика. Всё, конец. Не отвертеться», — запаниковала она. Но Вероника ничего не сказала и ни о чём не спросила, значит, ничего не заподозрила. А Таня сразу взяла себя в руки и выбросила подальше злополучный кусок ткани — пусть валяется в кустах: потеряла, и всё тут.

После отъезда следователя Татьяна с облегчением перевела дух. По поводу накидки никто не проронил ни слова. Таня так и не узнала, кто и где её нашёл. Лодку свою Егорыч обнаружил в прибрежных камышах и решил, что её прибило туда течением. «Да если Егорыч и нашёл накидку в своей лодке, — размышляла Татьяна, — у него, у старого алкаша, недостаточно мозгов думать и делать выводы».

У Татьяны от холода руки стали ледяными, но она продолжала неподвижно стоять, уткнувшись лбом в оконное стекло. На этой террасе они сидели тогда, пять лет назад, оглушённые случившимся. С матерью сделалась истерика. Всё презрение к Андрею, которого она в глубине души считала безвольной тряпкой, Наташкиным подкаблучником, всё раздражение против отца, копившееся годами, она, не сдерживаясь, выплеснула наружу.

«Мямля, — орала она зятю, — сонная тетеря! Почему ты вечно у неё на поводу? Почему ты её отпустил неизвестно куда? Почему не пошёл сразу искать? Почему сразу не забил тревогу?»

«А ты, — охрипшим, срывающимся голосом рычала она на мужа, — ты почему не проверил, на месте ли твои дети? Все разбрелись, пошли баинькать в свои кровати, а она... девочка моя!..»

Татьяна испуганно слушала. «Да она ненавидит отца», — вдруг дошло до её сознания, и это беспощадное открытие будто сорвало у неё пелену с глаз. Таня, конечно, давно поняла, что у родителей непростые отношения. Из их спальни до неё порой доносились взвинченные голоса: мать обвиняла отца, да и своих детей заодно, что не смогла пробыть в своей профессии, стать литературоведом, заняться художественным переводом, так и осталась школьной училкой русского и литературы. «Всегда — только твои интересы на первом месте, только твоя работа, только твои чёртовы аспирантки», — приглушённо вскрикивала мать. Про «чёртовых аспиранток» Таня и сама знала: частенько бывало, что в доме раздавался телефонный звонок, Таня снимала трубку, и в ней слышался чей-то молодой задорный голосок:

«Сергея Михайловича, будьте любезны». — «Кто спрашивает?» — строго вопрошала Таня. «Это его ученица Лена», — отвечал голосок. Отец брал трубку, что-то деловито и строго в неё говорил, а через некоторое время, надев чистую рубашку и костюм, куда-то отправлялся, на ходу бросая домашним: «Я — по делам. Вернусь вечером. К ужину не ждите». Имена учениц менялись, но настойчивость этих девиц оставалась неизменной, а Таня иногда ловила мрачный взгляд матери в спину уходящего отца и её ненавистно сжатые губы.

И всё же Тане казалось, что родительские стычки — не более чем досадные ухабы на их супружеском пути. Ведь только вчера, на дне рождения отца, перед сонмом гостей родители казались такой дружной, такой восхитительной парой. А сейчас, на террасе, Татьяна воочию наблюдала, как рушится красивый фасад и обнажается истинный вид семейного очага — давно остывшего и прогорклого.

В конце концов отцу, очевидно, стало невозможно слушать женские вопли, он резким движением обхватил жену за плечи и сжал их с такой силой, будто хотел сломать ей грудную клетку. Это помогло: мать сморщилась от боли, но истерику прекратила и затихла. Тане на секунду стало стыдно перед посторонним человеком — Вероникой. Давнишняя подруга матери осталась с ними, чтобы поддержать их в трагическую минуту, и вот теперь оказалась в положении человека, перед которым, не стесняясь, трясут грязным семейным бельём. Она украдкой взглянула на Веронику — та сидела с покрасневшим и таким скорбным лицом, что Тане сделалось смешно. «Нашла кого стесняться», — скривила она губы в незаметной усмешке. Она-то знала, как на самом деле отец и мать относятся к Веронике. В их отношении к ней давно уже не было ни дружеского участия, ни простого сочувствия. «Опять твоя нюня просидела у нас целый вечер, столько времени отняла! У меня уже в печёнках сидит её вечная вдовья печаль», — выговаривал отец матери. «Ну да, ты прав, — соглашалась та. — Но что же поделать? Не могу же я обидеть университетскую подругу? Она говорит, что отогревается у нас душой». — «Лучше бы она свою душу отогревала рядом с какими-нибудь штанами. Не старуха же, в самом деле! Могла бы мужа себе поискать, чем столько лет лелеять свою вселенскую скорбь», — продолжал насмешничать отец, и мать кивала ему в ответ, вздыхая и разводя руками.

Наконец «подруга семьи» не выдержала и засобиралась уходить. Никто не обратил на неё ни малейшего внимания — её присутствие никому не было нужно. Только Татьяна вышла её проводить на крыльцо — ей хотелось убедиться, что Вероника ничего не заподозрила, передавая ей накидку. Но Вероника бормотала обычные слова сочувствия, предлагала свою помощь, и Таня кивала ей, почти не слушая, с чувством огромного облегчения.

На стуле за спиной Татьяны, небрежно брошенная на стул, лежала сумка с распечаткой романа. Ещё совсем недавно, по пути от редакции до дачи, она радовалась, вспоминая отзывы Вероники Павловны о своей работе, и лелеяла сладкую надежду увидеть книжку со своим именем на обложке. Но сейчас, на стылой тёмной террасе, эта радость погасла, как свеча от порыва ветра. Зачем она всё это написала? Кого хотела обмануть?

Детство... Все повторяют: счастливая пора. Вот и она описала своё детство в лучезарных тонах. А ведь она не была счастлива в детстве—нет! Её считали печальной, тихой, задумчивой. Дураки. Никто не догадывался, что вовсе не задумчивость и природная скромность, а затаённая, глухая ревность заставляла её опускать глаза, сжимать губы, молчать и замыкаться в себе. С годами её талант расцвёл: родные щеголяли в связанных ею оригинальных кофточках и шالях, друзья с удовольствием принимали в подарок вытканные ею узорчатые салфетки самой неожиданной формы и расцветок. Повзрослев, она достигла своей детской мечты—стала художником-модельером, приобрела известность и клиентуру. Её хвалили знакомые, ею гордились родные. Но сердцем все тянулись—Таня это хорошо чувствовала, и мучительно завидовала—к смешливой, озорной Наталье. В ней была магнетическая притягательность детского простодушия и неподдельной душевной теплоты. У неё был дар, недоступный Татьяне,—она умела веселить сердца.

Тоска, непроглядная, как ночь за окном, навалилась Татьяне на плечи. Тишина вокруг казалась материальной, за спиной угрюмо молчал мёртвый, пустой дом. Подумать только, одно движение веслом—и всё могло бы быть совсем иначе, здесь звенели бы голоса и песни. А теперь—ни души, и впереди—нескончаемая череда тягучих лет и безмерность одиночества. Перед глазами встало лицо сестры—чуть раскосые дерзкие глаза, плутоватая улыбка. «Позови меня!—в отчаянии прошептала Таня.—Позови меня вновь, я приду!»

Вдруг она вскрикнула от страха—ей показалось, что снаружи, за окном, кто-то стоит. Липкий, отвратительный пот охолодил спину, и она, замирая, взглядела в ночной мрак: голая яблоневая ветвь, безвольно подчиняясь ветру, билась о стекло.

Татьяна выдохнула с облегчением, торопливо прошла в комнату и стала разжигать печь. Скорей, скорей—зажечь все лампы, согреться, вскипятить чайник. Руки всё ещё чуть дрожали от пережитого страха, но она довольно быстро справилась с растопкой, огонь весело заплясал по сухим веткам, уверенно принимаясь за всё более толстые поленья.

Татьяна уселась перед печкой и стала безотрывно глядеть в её гудящий зев. Тоска, испуганная светом и теплом, отступала, душа отогревалась.

Если быть честной с самой собой, так ли страшит её одиночество?—спрашивала Татьяна сама себя, прислушиваясь к внутреннему голосу. Нет, не страшит. Её одиночество—это свобода от ревности, зависти, глухой, разъедающей душу ненависти. Она хозяйка своей жизни, независимая, сильная, успешная. Ей не надо смирять себя в угоду чужим правилам и мнениям, не надо лгать и притворяться.

Но что же всё-таки получается?—думала она в следующую минуту, неотрывно глядя в гудящее жаркое нутро печки. Ведь она—по сути дела, убийца.

И она, внутренне напрягаясь, задумалась над этим словом, над этим пронзительным сочетанием двух визжащих звуков—«и» и «й», и чем больше раздумывала, тем больше успокаивалась. И вовсе не надо ударять сзади веслом, выталкивать из лодки, держать пышноволосяную голову под водой. Как просто всё оказалось: неторопливое круговое движение веслом—и лёгкое судёнышко, послушно развернувшись, понесло её к радости и свободе.

В конце концов её тревога совсем прошла, рассеялась, как рассеивается под лучами солнца утренний туман над озёрной гладью. Никто её ни в чём не обвиняет. Никто никогда не узнает правды. Татьяна вздохнула полной грудью и расправила плечи. Сладкий привкус тайного безнаказанного преступления наполнил душу тихим весельем.